

ТРАДИЦИИ «НИЗОВОЙ» КУЛЬТУРЫ В «ВИДЕНИИ О ПЕТРЕ ПАХАРЕ» У. ЛЕНГЛЕНДА

У статті розглянуто зв'язок релігійної алегоричної поеми «Видіння про Петра Орача» Уільяма Ленгленда (XIV століття) з «низовою» культурою Середньовіччя. Робиться висновок про близькість творчої манери поета до майстерності проповідників.

Ключові слова: «низова» культура Середньовіччя, тілесний «низ», побутова деталь, комізм, проповідь.

В статье рассматривается связь религиозной аллегорической поэмы «Видение о Петре Пахаре» Уильяма Ленгленда (XIV век) с «низовой» культурой Средневековья. Делается вывод о близости творческой манеры поэта к мастерству проповедников.

Ключевые слова: «низовая» культура Средневековья, телесный «низ», бытовая деталь, комизм, проповедь.

The article considers the connection of the religious allegorical poem The Vision of Piers Plowman by William Langland (the XIVth century) with the «lower» culture of the Middle Ages. It makes a conclusion about the closeness of the poet's artistic manner to the art of preachers.

Key words: «lower» culture of the Middle Ages, bodily lower stratum, mundane detail, the comic, sermon.

Особую популярность в литературе Англии XIV века приобрел жанр аллегорического видения. Самые известные образцы этого жанра представлены поэмами «Книга о герцогине», «Дом Славы», «Птичий парламент», «Легенда о славных женщинах» Джеффри Чосера, «Глас вопиющего» и «Исповедь влюбленного» Джона Гауэра, «Видение о Петре Пахаре» Уильяма Ленгленда, а также поэмой «Жемчужина», имя автора которой неизвестно. Реализация жанровой парадигмы во всех этих произведениях была весьма разнообразной. «Жемчужина» принадлежит к религиозной традиции видений. Ориентируясь на французский аллегорический «Роман о Розе», Чосер разрабатывает светский вариант жанра, отмеченный в его творчестве неповторимым своеобразием. В «Гласе вопиющего» Гауэра с морально-религиозной тематикой сочетается социально-политическая, а в «Исповеди влюбленного» – любовная. Поэма Ленгленда является религиозным видением, но ее хронотоп отличается от традиционного. Действие «Видения о Петре Пахаре» происходит не в загробном мире, а в Англии XIV века, в Иерусалиме, а также в местности, не имеющей четких пространственных характеристик. Тема спасения души сопровождается в произведении анализом современного состояния нравов и социальной сатирой. «Видение о Петре Пахаре» написано аллитеративным стихом и состоит из пролога и двадцати глав. В прологе рассказчик засыпает майским утром на берегу ручья и видит во сне аллегорический пейзаж: башню на возвышении, темницу в глубокой долине и между ними поле, на котором суетятся люди. Далее к нему приходит прекрасная леди по имени Святая Церковь, и под влиянием ее урока рассказчик

отправляется в путь, стремясь удовлетворить свои духовные запросы. Поэма густо «населена» различными аллегорическими персонажами, сновидец наблюдает за их действиями или вступает с ними в диалог. Поиск приводит его к пониманию концепции христианской любви к ближнему, помогает ему прочувствовать и осознать учение Святой Церкви.

В советском литературоведении и литературоведении пост-советского пространства «Видение о Петре Пахаре» и другие английские аллегорические видения XIV века изучены весьма слабо. В «Истории английской литературы» [5], изданной Академией Наук СССР в 1943 году, был представлен обзор творчества Ленгленда, Гауэра и Чосера. Свообразный характер аллегорической образности видений рассматривались в монографии М. К. Поповой «Аллегория в английской литературе Средних веков» [9]. Поэма «Видение о Петре Пахаре» стала объектом научного интереса М. И. Николы, которая исследовала ряд особенностей произведения, в том числе его жанровое своеобразие [7], а также вписала его в контекст английского Предвозрождения [8]. Но многие аспекты поэмы Ленгленда до сих пор остаются в тени. В данной статье рассматриваются некоторые черты поэтики «Видения о Петре Пахаре», говорящие о его близости к «низовой» культуре средневековья. Выделение этих признаков поможет раскрыть своеобразие поэмы Ленгленда, прояснить специфику английского литературного процесса XIV века, а также глубже понять пути исторического развития английской литературы. Наше исследование не претендует на исчерпывающий анализ предмета, выделяя лишь некоторые грани богатого художественного мира «Видения о Петре Пахаре».

Намечая подходы к сравнению творчества английских поэтов XIV века, академик М. П. Алексеев писал, что Ленгленду «была чужда и куртуазная тематика придворных кругов, на вкусы которых ориентировался Чосер, и монастырско-классическая ученость Гауэра, адресовавшегося к образованным людям» [1, с. 18-19]. По мнению Алексеева, реалистическое мастерство Ленгленда сочетало «религиозную символику с трезвостью житейского наблюдения – мастерства, связанного не столько с образцами иноземного искусства (французского или итальянского, как у Чосера и Гауэра), сколько с реализмом народной поэзии, народной сатиры, сжатой и мудро выраженной в пословице и поговорке» [1, с. 19]. Ленгленд во многом разделял взгляды и пристрастия народа, так как сам происходил из народной среды. Принято считать, что поэт родился в сельской местности в Шропшире, а затем переехал в Лондон. Он получил некоторое образование, но по каким-то причинам не занял церковной должности и вел жизнь бедняка.

В произведении наблюдается пестрый сплав самых разнородных элементов. Форма сна позволила автору органично сочетать повествование о возвышенном божественном и о самом низменном человеческом. Внимание к последнему роднит «Видение о Петре Пахаре» с «низовой» литературой средневековья. Телесность не изгоняется из поэмы, она присутствует в виде элементов описания плотской любви и в большей мере деятельности тела, связанной с процессом пищеварения. В качестве примера можно привести фрагмент тринадцатой главы, в которой рассказывается о встрече сновидца и Совести с персонажем по имени Навкуп. Детально описывая, какие грехи выпачкали кафтан этого персонажа, автор не ограничивается одним указанием на сладострастие. Он касается некоторых непристойных подробностей его общения с девушками [13], что способствует созданию образа погрязшего в грехе человека.

В последней главе поэмы сновидец рассказывает, как его атаковал сэр Старость и поразил различными болезнями. Он жалуется, что, помимо прочего, Старость разрушил ту часть его тела, которая больше всего нравилась жене, поэтому она хотела бы избавиться от бесполезного мужа [18]. Здесь слышится отголосок популярного средневекового сюжета о старом муже и сладострастной жене, характерного для комической традиции шванков и фаблю. Мужчина предстает как жертва женщины: рассказчик добавляет, что к разрушению этой части тела причастна его ненасытная жена.

Описание процесса пищеварения сопровождает в поэме характеристику отрицательных персонажей. Например, в тринадцатой главе автор иронически изображает ученого доктора, проповедовавшего покаяние и аскетизм, который затем ест разнообразные блюда в большом количестве, так что

У него будет покаяние в животе, он будет раздуваться при каждом слове,

И его внутренности начнут бурчать, и он станет издавать отрыжку [13].

Натуралистичность заметна еще сильнее в сцене исповеди семи смертных грехов (глава 5). Они изображены в виде людей разного характера и рода деятель-

ности и наделены «обилием неповторимо конкретных черт» [7, с. 45], почерпнутых автором в характерах современников. Пресыщение показано в образе обжоры, в переводе Д. М. Петрушевского – «Объедало» [6, с. 183]. В нем преобладает грубая телесность, черты которой позволяют вспомнить о героях Рабле, однако Ленгленд погружается в стихию телесного «низа», чтобы вызвать у читателя неприязнь к персонажу. Гротескность как искажение человеческого облика – образа и подобия Божьего – становится у религиозного поэта средством осуждения и назидания. Автор «Видения о Петре Пахаре» живописно повествует о последствиях пьянства Объедалы: о мочеиспускании, пускании ветров и рвоте после веселого застолья в трактире [6, с. 187]. Внимание поэта к подобным подробностям позволило Элизабет Солтер заключить, что «никто из современных поэтов не превзошел Ленгленда в откровенном обращении с отвратительным...» [11, с. 36]. Метод Ленгленда напоминает метод проповедника, который специально заостряет отталкивающие подробности, чтобы показать греховному обществу его уродливый образ и подвигнуть его к покаянию. Мотив телесности сопровождается комическими штрихами, что объясняется его связью со средневековой смеховой культурой, как это показал М. М. Бахтин [3], а также сознательным использованием поучительных свойств комического, что также входило в арсенал средств средневекового проповедника.

Другой особенностью «Видения о Петре Пахаре» является внимание к быту крестьян и горожан, жизнь которых знакома поэту не понаслышке. Например, автор делает бытовую зарисовку при создании сцены исповеди семи смертных грехов. Один из грехов, Жадность, признается, как он растягивал кайму, делал из десяти или двенадцати ярдов дорогого сукна тринадцать, обвешивал прядильниц, обрезал монеты, а его жена наливала жидкое и густое пиво из одного бочонка [6, с. 173-175]. Быт проникает в поэму и в других случаях. Обыденные явления привлекаются автором для истолкования вопросов религии, как это могло бы быть сделано в проповеди для простецов. Так, человеческая душа без хорошего примера со стороны людей церкви уподобляется пище, лишенной соли. Ленгленд опирается на текст Библии, где Иисус сравнивает своих учеников с солью (Матф. 5:13). Но поэт подкрепляет толкование фразами, апеллирующими к повседневному человеческому опыту: «Соль сберегает», – скажут хозяйки», «свежее мясо или рыба, когда не хватает соли, / безвкусны, когда их варят или пекут» [14]. Еще ярче иллюстрирует сказанное сравнение, подсказанное не Библией, а современной автору жизнью. Обозначающее здесь представлено типичным английским явлением того времени – процессом обработки ткани.

*Только что сотканная ткань не подходит для одевания,
Ее нужно истоптать ногами или отправить в сукновальню,
Хорошо вымыть водой и прочесать ворсовательней,
Взбить, растянуть и отдать портному;*

*И так же новорожденный ребенок:
До того, как быть крещенным именем Христовым и
пройти конфирмацию епископа,
Он язычник для неба, и его душа беспомощна [14].*

Эта черта «Видения о Петре Пахаре» вписывается в общий контекст религиозной литературы того времени. Э. Ауэрбах, начав с анализа драматических произведений, распространил выводы о проникновении реализма повседневности на средневековое христианское искусство в целом: «В полную противоположность феодальной поэзии куртуазного романа, который из действительности сословного существования уводит в мир сказания и в мир приключения, здесь происходит обратное движение – от давней легенды и ее аллегорического истолкования в повседневную реальность современного мира» [2, с. 168].

Близость автора к низовой традиции проявляется и в том, какие жанры вступают во взаимодействие в рамках всего произведения. Так, в жанровой структуре поэмы Ленгланда можно выделить анекдоты. Например, слушающий исповедь смертных грехов Покаяние спрашивает, возмещал ли Жадность когда-нибудь причиненный им ущерб. Он отвечает, что как-то раз, когда ему довелось ночевать с купцами, он утащил у спящих купцов мешки. Покаяние возражает, что это не возмещение, «но воровство и грабеж». Жадность заявляет: «А я думал, что грабеж и есть возмещение» [6, с. 175-177]. Этот забавный анекдот способствует осмеянию и осуждению порока. Уместно привести высказывание В. Даркевича, который, анализируя средневековую пародию, отметил, что «литератор или художник понимают тщету и пустоту земного, сознают несоответствие человеческой комедии тому божественному началу, что заложено в людях» [4, с. 166]. В «Видении о Петре Пахаре» комическая ситуация приводится в пример и для характеристики монахов. В последней главе для лечения заболевших лицемерием, находящихся в доме Единстве, который аллегорически представляет церковь, прибывает монах. Персонаж по имени Мир напоминает, что когда-то такой же нищенствующий монах «так вылечил наших женщин, что некоторые из них оказались беременны» [18]. Комическая ситуация раскрывает лицемерность монаха. Чувствуется авторская ирония: «врач» болен тем же пороком, что и «пациенты».

Элементы комизма появляются в «Видении о Петре Пахаре», даже когда речь идет о действующих лицах Священной истории, традиционно пользующихся высоким авторитетом. В семнадцатой главе поэмы Вера и Надежда, которые аллегорически обозначают Авраама и Моисея, встречают человека, ограбленного разбойниками и брошенного на дороге. Как в библейской притче, только добрый самаритянин приходит ему на помощь. По наблюдению Н. Когилла [10, с. 250], поведение патриарха и пророка отличается фарсовостью:

*Вера первым увидел его, но отбежал в сторону,
И старался держаться от него на двадцать ярдов.
Затем подскокил Надежда, который до того хвастался,
Как он многим помог заповедями Моисея,
Но когда он увидел того человека, он отшатнулся
В страхе, как утка от сокола! [15]*

Эта же тенденция наблюдается в современном Ленгланду жанре, инсценирующем текст Библии – мистерии. В ней «буйно разрастается грубейший реализм и возникают такие формы смешения стилей, непосредственного столкновения страстей и дикого

фарса, которые кажутся нам странными и неподобающими» [2, с. 169].

Поэма Ленгланда изобилует простонародными речевыми оборотами. Даже ученый доктор употребляет выражения «это болтовня», «сказочка менестреля» [13]. Поэту удается естественно передать эмоциональную реакцию, первой репликой говорящего может быть междометие или клятва. В некоторых случаях это служит для социальной критики. Например, «Ye? Waw!» (Что? Ну нет!) возмущенно отвечает пивовар на совет простить ближнему его долги и рекомендует Совести придержать язык [17]. Клятвы Христом и святыми встречаются в высказываниях как положительных, так и отрицательных персонажей. Не прибегая к прямой речи, поэт описывает нежелание некоторых людей работать вместе с Петром Пахарем (глава 6). Среди них – «бретонец-хвостун», который позволяет себе грубое выражение в адрес Петра вместе с его плугом. Учитывая то, что мотив пахоты имеет символическое значение проповедывания, эта фраза приближается к богохульству. Автор дает бретонцу оценку в том же стиле: «*for-pyuned schrewel!*» – «вот треклятая сволочь!» [6, с. 230-231]. Элементы народной речи можно выделить не только в словах людей, но и в словах аллегорических персонажей. Так, Любовь и Верность заявляют, что желающий жениться на деве Мид (олицетворение стяжательства) «станет известным как обманутый муж, даю мой нос на отсечение» [6, с. 151]. Разум также произносит подобные клятвы: «я даю в заклад мои уши» [6, с. 149] или «Клянусь тем, кто был распят на кресте, – сказал Разум королю, – / Если только я не буду так управлять вашим царством, пусть вырвут мне кишки!» [6, с. 153]. Перед тем, как сновидцу будет явлено вызволение праведников из ада, он наблюдает встречу и спор четырех сестер – Истины, Милосердия, Мира и Справедливости (глава 18). Н. Когилл обратил внимание на то, что они названы словом «*wenches*» – девки, служанки, которое создает «сочетание бытового натурализма с таинством» [10, с. 250]. Эти добродетели обсуждают грядущее спасение человечества. Истина и Справедливость не верят в такую возможность и, говоря о высоких предметах, неожиданно грубо возражают двум другим сестрам. Справедливость употребляет выражения «Ты что, бредишь?», «Или ты пьяна?» [16]. Истина, ранее охарактеризованная как «очень красивое и чистое существо», говорит, что это нелепость («*That thow tellest; quod Truthe, «is but a tale of waltrot!*»), ерунда («*It is but truffle that thow tellest*») [16], и просит Милосердие придержать язык, в точности как упомянутый выше пивовар. Соединение разных пластов культуры проявляется даже в пределах речи этого отдельно взятого аллегорического персонажа: правильность своего мнения Истина подкрепляет цитатой на латыни. Грубая категоричность Истины и Справедливости не снижает высокого характера темы, а скорее подчеркивает величину Божьей милости по отношению к человеку. Сцена создает театральный эффект и готовит читательское восприятие к тому, что сейчас произойдет важнейшее событие – спуск Христа в ад.

Критики обратили внимание на простоту стиля Ленгланда. Так, А. Спиринг отмечает, что по

сравнению с другими аллитеративными поэмами в «Видение о Петре Пахаре» отсутствует особый поэтический язык [12, с. 274]. Э. Солтер подчеркивает «безыскусственность» стиля, «невероятную естественность лексики и ритма» [11, с. 35]. Во многих случаях поэтичность сводится к минимуму, и остается то, что «звучит как чистейший факт», если автору важнее доходчиво растолковать, чем украсить и тем самым затемнить проблему [11, с. 32-33]. Стиль автора «Видения о Петре Пахаре», в частности различного рода повторения, нередко объясняют его близостью к стилистике проповеди [11; 12]. Как проповедник, обращающийся к широкой аудитории, Ленгленд заботится о том, чтобы его слова поняли и запомнили люди с разной подготовкой.

Творческую манеру Ленгленда можно сопоставить с мастерством францисканцев и доминиканцев, красноречие которых питалось не только Библией и сочинениями отцов церкви. Они не чуждались использовать в проповедях вызывающие смех басни, эпизоды из «Романа о Ренаре», анекдоты, шутки и сплетни [4, с. 11]. Таким образом, в их лице «книжное христианство вступало в тесное взаимодействие с фольклорной

культурой» [4, с. 22]. Кроме того, проникновение этих элементов было возможно благодаря самой Библии, в стиле и содержании которой соединялось низкое и высокое [2, с. 164]. Ауэрбах обратил внимание на то, что смешение стилей было характерно для всей христианской литературы, предназначенной для широких масс: «Особенно отчетливо это явление должно было сказаться в проповедях, выдержанных в народном стиле» [2, с. 171].

Таким образом, в «Видении о Петре Пахаре» отчетливо слышится голос третьего сословия средневекового общества. Связь с «низовой» культурой прослеживается на уровне предметной изобразительности и художественной речи поэмы. В жанровой структуре произведения происходит синтез высоких и низких жанров литературы. Темы, которые освещаются с серьезной или торжественной интонацией, перемежаются с комическими. Богословские вопросы соседствуют с натурализмом и деталями повседневной жизни. Это тесное взаимодействие, причину которого следует искать во влиянии на Ленгленда поэтики проповеди, отличает «Видение о Петре Пахаре» от других английских видений XIV века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Видение о Петре Пахаре / Михаил Павлович Алексеев // Алексеев М. П. Из истории английской литературы. Этюды, очерки, исследования. – М.–Л.: Гослитгиздат, 1960. – С. 7–38.
2. Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе / Эрих Ауэрбах. – М.: Прогресс, 1976. – 556 с.
3. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / Михаил Михайлович Бахтин. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
4. Даркевич В. П. Народная культура Средневековья: Пародия в литературе и искусстве IX – XVI вв. / Владислав Петрович Даркевич. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. – 328 с.
5. История английской литературы: в 2 т.; [под ред. проф. М. П. Алексеева, проф. И. И. Анисимова, проф. А. К. Дживелегова, А. А. Елистратовой, чл.-корр. АН СССР В. М. Жирмунского, проф. М. М. Морозова]. – М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1943. – Т. I. Вып. 1. – 390 с.
6. Ленгленд У. Видение Уильяма о Петре Пахаре / Уильям Ленгленд // Видение Уильяма о Петре Пахаре; [пер. Д. М. Петрушевского]. – Л.: Издат. Акад. Наук СССР, 1941. – 276 с.
7. Никола М. И. «Видение о Петре Пахаре» У. Ленгленда. Своеобразие жанра / Марина Ивановна Никола // Метод и жанр в зарубежной литературе: [сб. науч. труд.]. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1979. – Вып. 4. – С. 38–48.
8. Никола М. И. «Видение о Петре Пахаре» У. Ленгленда как явление английского Предвозрождения / Марина Ивановна Никола // Художественное произведение в литературном процессе / (на материале Англии) / [межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: Н. П. Михальская (отв. ред.) и др.]. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1985. – С. 13–29.
9. Попова М. К. Аллегория в английской литературе Средних веков / Мария Константиновна Попова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. – 152 с.
10. Coghill Nevill. God's Wenches and the Light That Spoke / Nevill Henry Kendal Aylmer Coghill // Chaucer and His Contemporaries. Essays on Medieval Literature and Thought. Ed. with introduction by Helaine Newstead. – Greenwich, Conn.: Fawcett Publications, 1968. – P. 236–254. – (Literature and Ideas Series. General Editor Irving Howe).
11. Salter Elizabeth. Piers Plowman: an Introduction / Elizabeth Salter. – Oxford: Basil Blackwell, 1962. – 111 p.
12. Spearing A. C. The Art of Preaching and Piers Plowman / Anthony Colin Spearing // Chaucer and His Contemporaries. Essays on Medieval Literature and Thought. Ed. with introduction by Helaine Newstead. – Greenwich, Conn.: Fawcett Publications, 1968. – P. 255–282. – (Literature and Ideas Series. General Editor Irving Howe).
13. William Langland's The vision of Piers Plowman. Passus 13 [Электронный ресурс; перевод осуществлен автором статьи] // Corpus of Middle English Prose and Verse: [сайт] – Режим доступа: <http://quod.lib.umich.edu/c/me/PPIlan/1:14?rgn=div1;view=fulltext>.
14. William Langland's The vision of Piers Plowman. Passus 15 [Электронный ресурс; перевод осуществлен автором статьи] // Corpus of Middle English Prose and Verse: [сайт] – Режим доступа: <http://quod.lib.umich.edu/c/me/PPIlan/1:16?rgn=div1;view=fulltext>.
15. William Langland's The vision of Piers Plowman. Passus 17 [Электронный ресурс; перевод осуществлен автором статьи] // Corpus of Middle English Prose and Verse: [сайт] – Режим доступа: <http://quod.lib.umich.edu/c/me/PPIlan/1:18?rgn=div1;view=fulltext>.
16. William Langland's The vision of Piers Plowman. Passus 18 [Электронный ресурс; перевод осуществлен автором статьи] // Corpus of Middle English Prose and Verse: [сайт] – Режим доступа: <http://quod.lib.umich.edu/c/me/PPIlan/1:19?rgn=div1;view=fulltext>.
17. William Langland's The vision of Piers Plowman. Passus 19 [Электронный ресурс; перевод осуществлен автором статьи] // Corpus of Middle English Prose and Verse: [сайт] – Режим доступа: <http://quod.lib.umich.edu/c/me/PPIlan/1:20?rgn=div1;view=fulltext>.
18. William Langland's The vision of Piers Plowman. Passus 20 [Электронный ресурс; перевод осуществлен автором статьи] // Corpus of Middle English Prose and Verse: [сайт] – Режим доступа: <http://quod.lib.umich.edu/c/me/PPIlan/1:21?rgn=div1;view=fulltext>.